

Читатель вправе требовать от составителей грамматики более глубокой и научной постановки в отношении целого ряда вопросов. Очень поверхностный характер носит раздел, посвященный фонетическому строю сравниваемых языков. Характеристика специфических гласных обоих языков сводится фактически к описанию условий их образования. Это, конечно, важно и нужно. Однако интерес представило бы и описание их позиционного употребления. Нам представляется, что необходимо было бы остановиться на позиционном употреблении таких гласных звуков, как *ə, o, y, e, ʏ*. Авторы обошли в грамматике и такую главнейшую особенность азербайджанской фонетики, как сплгармонизм. Не ставится вопрос о дифтонгах и долгих гласных.

В разделе «Повелительное наклонение» (стр. 201) не затрагиваются вопросы о модальных оттенках решительной воли, приказаний, допущения действия. Ставя вопрос о предлогах, следовало бы показать, когда им на азербайджанской почве соответствуют послелоги, а когда система надежных аффиксов. В целом удачно построен раздел, посвященный союзам. Однако не отмечена возможная многозначность в отношении азербайджанских союзов (ср. союз *ki*). Когда говорится об азербайджанском соответствии русским союзам *чтобы, дабы*, отмечается только союз *учун*. Надо было бы упомянуть и о конструкции союза *ki* с формой повелительного, желательного наклонения.

Весьма конспективно изложен раздел «Бессоюзное сложноподчиненное предложение» (стр. 373—374). Не показаны возможные средства связи между предложениями, входящими в состав бессоюзного сложноподчиненного целого. Не в полной мере вскрываются грамматические средства соединения предложений и в союзных придаточных предложениях. В придаточных предложениях условных не указывается на существование закономерности в употреблении времен. Вызывает недоумение, почему в грамматике не рассматривается тип придаточных предложений относительных. По нашим наблюдениям, этот тип существует в обоих языках.

В пределах одного раздела авторы обнаруживают иногда непоследовательность в выделении тех или иных положений. При выделении одних видов придаточных предложений учитывается роль соотносительных слов (ср. придаточные сказуемые — стр. 361), а при других — не учитывается (ср. придаточные сравнительные — стр. 363, придаточные следствия — стр. 365).

Большим упущением в рецензируемой работе нам представляется то, что авторы четко не отграничивают ту или иную грамматическую категорию от неграмматических средств передачи ее на материале сопоставляемого языка.

Иногда под то или иное русское предложение подводится несколько возможных азербайджанских эквивалентов. При этом не учитывается, что эти азербайджанские соответствия не тождественны между собой, а каждый имеет особые дополнительные оттенки. Так, на стр. 268 в связи с русским предложением *Всякое дело надо делать хорошо, как можно из него извлечь несколько возможных азербайджанских соответствий, которые, однако, не тождественны и нуждались бы в пояснениях.*

Своими критическими замечаниями мы не хотим умалять ту практическую пользу, которую принесет истинная грамматика как работникам средней и высшей школы, так и переводчикам. Наша задача — помочь авторам устранить в следующем издании этой грамматики недостатки и улучшить первого издания.

Н. З. Гаджиева

«Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе». Т. XIX. Кафедра русского языка. — Симферополь, Крымиздат, 1954, 395 стр.

Среди трудов педагогических институтов, изданных в последнее время, хорошее впечатление оставляет сборник, подготовленный кафедрой русского языка Крымского педагогического института. В сборник вошли работы четырех языковедов, посвященные вопросам грамматики, истории русского литературного языка и стилистики, лексикологии и методики преподавания русского языка. В. Н. Мигри и выступил со статьями «Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке», А. И. Германо и ч поместил три статьи: «Заметки о языке и стиле Н. В. Гоголя», «Слова кличка и отгона животных в русском языке» и «Из наблюдений над словарной работой в школе», В. П. Уткин и принадлежит статья на тему «Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина» и В. Н. Михайлову — «Язык романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ (Из опыта работы в школе)».

Статья В. Н. Мигри и «Разные виды трансформации придаточного и главного предложений в русском языке» состоит из трех глав. Первая глава посвящена

разным видам трансформации придаточного предложения (в местоименные или местоименные сочетания, в неопределенно-количественные числительные, в фразеологизм с утраченной или неутраченной предикативностью). Вторая глава посвящена вопросу о разных видах трансформации главного предложения (в местоименную морфему, в частицу, в вводное предложение или модальное слово, в союз). В третьей главе автор делает общие выводы, вытекающие из изучения вопроса о разных видах трансформации главного и придаточного предложения и приводит схему разных видов трансформации главного и придаточного предложений.

Работа В. Н. Мигирина очень интересна и оригинальна. Автор статьи обратил внимание на такое явление в структуре русского языка, которое еще не подвергалось исследованию. Правда, Ф. И. Буслаев описал некоторые случаи такого преобразования¹ или, как выражается В. Н. Мигирин, качественного перехода одних форм языка в другие. Автор в своей статье иллюстрирует этот процесс большим, хорошо подобранным языковым материалом, относя сюда выражения типа: *кто-либо, кто-нибудь, как следует, как придется, что угодно, кого хочешь, куда пошло, за кого пошло, чорт знает, как следует, кто мог, как можно, кого знаешь* и др.

Проследивая процесс трансформации придаточного предложения в местоименное, В. Н. Мигирин приходит к интересному и правильному выводу, что «формы *-угодно, -пошло, -хочешь, -следует, -надо, -нужно* необходимо рассматривать как складывающиеся словообразовательные морфемы местоименного класса слов» (стр. 28). Однако следует указать, что в работе не проследивается процесс образования этих морфем, а приводится лишь итог языкового развития, результат известного процесса.

Не вызывает также сомнения и правильность утверждения автора статьи, что сочетания указанных форм с местоименными корнями не имеют идиоматического характера вследствие того, что, присоединяясь к любому местоимению, эти формы не теряют своего лексического значения. Автор проявляет очень тонкую наблюдательность, различая процесс оформления местоимений из сочетаний *кто мог, что мог, где мог, как мог, куда мог* и т. д. от выражений типа *сколько влезет*, в котором слово *влезет* нельзя считать уже сложившейся морфемой. Как же представляет себе автор процесс трансформации придаточного предложения в местоименное? Он полагает, что «начальным этапом трансформации придаточного предложения является приобретение конкретным придаточным предложением значения, близкого к значению отдельного слова. Конечным этапом в ряде случаев являются преобразования материального характера... Между этими двумя крайними точками может быть много переходных случаев» (стр. 30). Так, например, он указывает, что местоимения *кто-нибудь, какой-либо, какой-нибудь* приобрели все свойства агглютинативной морфемы, так как: 1) их невозможно переставить, 2) нельзя разъединить другими знаменательными словами, 3) нельзя соединить в отдельности с новыми единицами, 4) вторая часть сложения не может изменяться, 5) составные части не могут находиться одновременно в связях с несколькими другими элементами, 6) они не могут нести на себе логического ударения и не разделяются паузой.

В. Н. Мигирин показывает в своей статье, что придаточные предложения трансформируются не только в местоимения, но и в неопределенные числительные: *сколько хочешь, сколько угодно* (в народном языке *сколько нать*), *сколько следует* и др. Затем показано, как придаточные предложения превращаются в фразеологизмы, которые автор считает конечным продуктом трансформации. Местоименные выражения он рассматривает как один из этапов на пути трансформации придаточного предложения.

К фразеологизмам, образовавшимся из придаточных предложений, В. Н. Мигирин относит следующие сочетания: *кто придется, каких свет не видно, что ни попадя, с чем мать родила, куда глаза глядят, сколько душе угодно, хоть глаз выколи, хоть авались, что есть силы* и др. Встает вопрос, почему автор решил, что эти фразеологизмы образовались из придаточных предложений. Оказывается, только на том основании, что в начале этих устойчивых словосочетаний имеется союз. Нам представляется, что одного этого признака недостаточно, тем более, что во многих фразеологических сочетаниях союз отсутствует.

В заключительной части первой главы В. Н. Мигирин кратко суммирует доказательства того, что придаточное предложение путем абстрагирования — утраты лексического значения и грамматической определенности — переходит в слово. Но с одной мыслью в заключении нельзя полностью согласиться: вряд ли можно считать правильным, что «между предикативной единицей (главным или придаточным предложением), словом и морфемой в языке нельзя провести абсолютной границы» (стр. 47). Конечно, «абсолютной» границы провести нельзя, так как все это языковые факты, включающиеся в общую систему языка, однако каждое явление имеет свою специфику и свою опреде-

¹ У Ф. И. Буслаева сказано: «Неопределенные местоимения и парения могут складываться с различными глаголами; напр., *что-нибудь, куда-нибудь, кто ни пошло, кто бы ни был, куда бы ни было, какой ни есть*, или, по старинному и народному, *какой ни-на-ест*; старинные формы: *кто ни-хотя, что ни-хотя* и нек. др.» (см. «Опыт исторической грамматики русского языка», ч. II, М., 1858, § 213, стр. 287).

личность. Поэтому смешивать, объединять в нечто единое морфему, слово и предложение ни в коем случае нельзя, да и сам В. Н. Мигирин этого не делает.

В. Н. Мигирин показывает разницу в степени совершившейся трансформации; так, например, выражения *нивесть*, *бознать* уже потеряли свое прежнее лексическое значение и даже изменили свою грамматическую форму. В. Н. Мигирин называет эти выражения «эмоциональными местоимениями» и указывает, что они свойственны и другим языкам. Продуктом трансформации главного предложения, по мнению В. Н. Мигирина, являются частицы: *бывало*, *случалось*, *почти что*, *почитай что*, *точно что* и т. п. Говорит В. Н. Мигирин и о том, как полноточные предложения изменяются и переходят в слова. Эта мысль не новая и не оспаривается никем. Причины перехода полноточных предложений в слово объяснялись по-разному. В. Н. Мигирин причиной этих явлений считает эстетические требования речи. Однако ведь не все же полноточные предложения переходят в слова. Вернее было бы предположить, что главным фактором трансформации полноточных предложений следует считать условия диалогической речи, в которых ситуация обуславливает лаконичность выражения.

Анализируя материалы древнерусского языка, В. Н. Мигирин приходит к выводу, что вводные слова и предложения связаны с авторской речью главным предложением. С утверждением, что «для древнерусского языка *рече* можно рассматривать как полноточное модальное слово, учитывая его неизменяемость по глагольным категориям времени, числа» (стр. 91), трудно согласиться, хотя мысль В. Н. Мигирина о том, что многие модальные слова можно возводить к главному предложению, на наш взгляд, правильна; ср. *известно*, *видно*, *ясно*, *естественно*, *ясное дело*, *понятно*, *кажется* и т. п. Такие слова могут образовывать безличные предложения, к которым нужно прибавлять придаточные для ясности мысли. Не вызывает сомнения мысль В. Н. Мигирина и о том, что слова, образующие слово-предложение, могут переходить в союзы, например: *правда*, *благо*.

Четкой и убедительной кажется и третья глава, подводящая итоги изучения интересного вопроса о разных видах трансформации главного и придаточного предложений. В. Н. Мигирин справедливо указывает, что вопросом преобразования одного языкового факта в другой занимаются мало. Между тем язык развивается не только путем словообразования, посредством суффиксации и префиксации, словосложения, но и путем перехода отдельных частей речи в другие, когда на основе новой синтаксической роли возникают омонимы частей речи.

Подходящею оценкой статьи В. Н. Мигирина, хотелось бы пожелать, чтобы в его работе материал был приведен в более строгую систему. У автора нет четкой классификации собранных им фактов трансформации предложений и слов.

Статья А. И. Германовича «Заметки о языке и стиле Н. В. Гоголя» содержит некоторые интересные и тонкие наблюдения, но не дает цельного представления о языке Н. В. Гоголя. Многоплановость статьи помогла автору сделать определенные обобщения. А. И. Германович стремится показать: 1) как Гоголь изучал народный язык, 2) как писатель боролся за народные основы русского литературного языка, 3) как он улучшал и совершенствовал свой стиль, какие отбирал слова и выражения, открывая все новые и новые возможности в неисчерпаемых запасах народного языка для своей социальной сатиры. А. И. Германович отмечает народные слова, введенные Гоголем в художественное произведение, например: *кирченая изба*, *скалдырик*, *угол* (в значении «двадцать пять рублей»); показывает, как Гоголь включал в повествование украинские поговорки и пословицы, освобождал свой язык от иностранных слов, повторов, канцелярских оборотов и т. д.

А. И. Германович показывает, какими средствами углубляет Н. В. Гоголь характеристику персонажей, но почему-то больше подчеркивает употребление глаголов, полагая, что именно глагольная синонимия согласуется с сатирическими характеристиками. Вызывает сомнение, что именно глаголы способны выразить наиболее ярко иронию и сарказм. Почему только глаголы стали средством, «характеризующим речь и мышление обывателей» (стр. 131)?

А. И. Германович выявляет также способы выражения иронического отношения Гоголя к своим персонажам (от легкой иронии до глубокого сарказма). Автор статьи отмечает высокое искусство Гоголя в индивидуализации языка действующих лиц. Но А. И. Германовичу не удалось выукло и ярко показать все приемы Гоголя. Часто он сбивается на характеристику самих героев, исходя из оценки их поступков, а не их языка; например, Чичиков «вползает в круг саванников», «очень искусно умел польстить каждому», «лытит искусно, угождает умело», «приятно спорит», «мастер притворяться». Это раскрытие образа с точки зрения литературоведа, а не лингвиста. И надо сказать, что литературоведы это делают лучше. Поэтому следовало бы сначала нарисовать образ Чичикова, исходя из его языка.

В этой же статье А. И. Германович сравнивает язык Гоголя разных редакций. Но выхваченные отдельные места не показывают всей картины текстологической работы Гоголя над языком. Поэтому заключение автора, что «эта блестящая тирада стоила автору большого труда» (стр. 160), не совсем правильно характеризует работу Гоголя над языком.

Многоплановость статьи лишила ее монолитности и обстоятельности. В ней сказано понемногу о многих вопросах. Так, например, можно наблюдать быстрые переходы от одной темы к другой. Только что кончил говорить А. И. Германович о способах типизации языка действующих лиц, как уже всплывает новая тема: ритмичность, музыкальность речи самого Гоголя. Сказав несколько слов об интонации, автор переходит к лирике описания Днепра; изучение лирики авторских отступлений, пафоса и лирики языка «Руси-тройки» — опять новая проблема. Ритмо-мелодический рисунок этих мест поэмы требует более глубокого и специального изучения. Синтаксис поэтической речи отмечен также бегло и фрагментарно.

В выводах, сделанных А. И. Германовичем, суммированы все средства языка без разграничения. Было бы лучше, если бы А. И. Германович разграничил лексические и синтаксические средства языка, используемые Гоголем для сатирическо-пронического описания действующих лиц.

В общем статья вызывает двойственное впечатление: интересны тонкие наблюдения и подмечаемые особенности гоголевского языка, в большинстве случаев свеж и материал; но композиционная нестройность, многоплановость статьи вызывает чувство досады.

А. И. Германовичем написана также статья «О словах клича и отгона животных в русском языке». В начале статьи говорится о значении животных и животноводства в жизни человека. А. И. Германович указывает, что в названиях животных отразилась история их приручения и распространения. Слова клича и отгона — особый разряд междометий. А. И. Германович связывает их с названиями животных и птиц, отвергая предположение об их образовании в процессе звукоподражания. Автор убедительно доказывает, что многие слова клича образовались путем усеечения слова, которым называли животных.

А. И. Германович приводит большое количество слов отгона и призыва животных из диалектов, доказывая, что многие из этих слов связаны также с названием животных и птиц. Но вряд ли прав А. И. Германович в том, что слова «призыва» птиц нельзя соотносить со звукоподражанием. Он утверждает, что эти слова образовались от слов-названий, между тем некоторые названия птиц и животных были образованы человеком на основе тех звуков, которые производились этими животными или птицами, т. е. на основе звукоподражания. Таким образом, в статье многое кажется и спорным и малоубедительным, хотя автор привлекает большой материал, который проливает свет на природу слов отгона и клича животных.

Статья В. П. Уткиной «Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина» ставит задачу проследить, как формируется своеобразие языка и стиля художественного произведения и через какие формы проявляется мировоззренческая направленность стиля писателя. Автор дает очень краткий очерк исторического периода, в который писал Карамзин. Затем также кратко излагаются политические взгляды Карамзина и его мировоззрение, а затем рассматривается лексический состав ранних повестей Карамзина, причем автор традиционно разграничивает восточнославянскую, старославянскую и заимствованную лексику. Старославянизмам автор уделяет большее внимание, так как, по его мнению, этот вопрос освещен в нашей литературе недостаточно четко. В. П. Уткина делит славянизмы на три группы: 1) общеупотребительную лексику, 2) специфически церковную, 3) стилистически обусловленную.

На основании рассмотрения этих лексических пластов автор приходит к выводу, что Карамзин не пренебрегал славянизмами. Затем с чисто стилистической точки зрения В. П. Уткина делит всю лексику на sentimentalную и nescientimentalную, затем sentimentalную еще делит на специфически поэтическую и sentimentalно-романтическую, в которой выделяет слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами. Сама В. П. Уткина указывает, что в ее анализе пересеклись разные принципы классификации. Вряд ли она права, выделяя отдельно клитые слова как sentimentальные. Окраску слово приобретает часто только в контексте. Даже слова *печаль*, *тоска* могут быть лишены эмоционального значения, когда они становятся терминами, например, в учебнике психологии.

Затем автор перечисляет бытовую, просторечную и отдаленную лексику. Однако анализа лексики произведений Карамзина в работе нет. Представлено лишь распределение слов по общим группам. Вывод автора о том, что Карамзин не пренебрегал славянизмами при создании определенного стиля, следует признать убедительным.

Несмотря на ряд недочетов, В. П. Уткина сделала полезное дело, хотя и не вполне справилась со своей задачей. Лексика произведений Карамзина представлена четко, но без надлежащего анализа различных лексических групп. Автору удалось показать связь отбора лексики Карамзиным для своих произведений с его мировоззрением. Статья будет полезна для учителей русского языка и литературы в школе.

Статья А. И. Германовича об опыте крымских учителей по работе над словарем в школе, а также статья В. П. Михайлова об изучении языка на чих классиков в школе имеют методический характер.

В заключение необходимо указать на тщательность в подготовке материала большинством авторов, свежесть и новизну материала, должную осведомленность в том, как

ставятся и какое намечается решение тех вопросов, о которых пишут авторы сборника, методическую четкость поставленных авторами вопросов языкознания. Вместе с тем в отдельных статьях сборника содержится немало спорного и не доказанного. Эти недостатки ни в какой мере не уменьшают интереса к сборнику в целом и к каждой статье в отдельности и вряд ли могут изменить общее хорошее впечатление. Сборник с интересом прочтут учителя, аспиранты и научные работники.

Е. М. Галкина-Федорук

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ К. А. ЛЕВКОВСКОЙ НА КНИГУ М. Д. СТЕПАНОВОЙ

В одной из своих последних работ Л. В. Щерба писал по поводу определения слова: «В самом деле, что такое „слово“? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия „слово вообще“ не существует»¹.

Эти слова часто цитируются и подвергаются резкой критике, а между тем они, хотя и в парадоксальной форме, содержат верную мысль о том, что критерии определения слова могут варьироваться от языка к языку, видоизменяясь в соответствии с общими закономерностями, действующими в пределах данного языка.

* Характерно, что именно эту мысль подчеркивал и один из наиболее последовательных оппонентов Щербы в этом вопросе А. И. Смирницкий: «Выясняя, что такое слово „вообще“, мы стремимся к разграничению общих признаков слова и частных особенностей, которыми могут сопровождаться эти общие признаки в том или другом языке. Наблюдая эти частные особенности слова в отдельных языках, мы, естественно, обратим внимание на то, что в одних языках эти особенности дополнительно характеризуют слово в отличие от других языковых образований, тогда как в иных языках имеются такие особенности, которыми грань между словом и другими образованиями, напротив, стирается»².

Расчленение всех отличий слова от близких к нему образований на общие и частные весьма плодотворно и несомненно должно учитываться при анализе вопросов, так или иначе связанных с проблемой слова. Но при этом нельзя забывать диалектическую связь общего и частного: ведь общее проявляется через частное, а значит частное в какой-то мере влияет на общее. Ниже мы постараемся показать, что такой важный общий критерий, выдвинутый А. И. Смирницким, как цельность сформированности слова, выявляется по-разному и получает разное значение в сложных словах немецкого и русского языков.

Проблема соотношения сложного слова и словосочетания особенно актуальна для немецкого языка в связи с широким развитием, которое получило в нем словосложение и в особенности образование «определятельных сложных слов» (*Bestimmungszusammensetzungen* — примером их может служить и сам термин).

Как же разбирается эта в сущности центральная проблема немецкого словообразования в опубликованной недавно монографии М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка»? В рецензии К. А. Левковской по этому поводу сказано следующее: «Различие между определятельным сложным словом и соответствующим словосочетанием недостаточно выявляется автором, так как даже в специально посвященном сопоставлению сложного существительного и соответствующего словосочетания параграфе (§ 83, стр. 121—124) вопрос этот рассматривается, в основном, в плане семантическом, с точки зрения понятий, выражаемых компонентами сложного существительного и тем словом в целом. Различие в строении между сложным словом и словосочетанием оставлены при этом в стороне. Да и сама семантика сложного слова рассматривается недостаточно углубленно, так как не дается сколько-нибудь детального анализа взаимоотношения компонентов сложного слова по сравнению с компонентами словосочетания и недостаточно учитывается специфика, связанная с целью сформированностью сложного слова»³ (разрядка моя. — И. Р.).

В дальнейшем мы попытаемся разобраться, насколько эти замечания справедливы. Пока отметим следующее: в начале своей рецензии К. А. Левковская говорит, что она не будет касаться вопросов дискуссионных и укажет только на ряд «недостатков, никак не связанных с дискуссионностью каких-либо вопросов или с неразработанностью тех или иных проблем» (рец., стр. 145).

¹ Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения*, ИАН ОЛЯ, 1945, вып. 5, стр. 175.

² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 183.

³ ВЯ, 1955, № 1, стр. 150. (В дальнейшем ссылки на рецензию К. А. Левковской даются в тексте в скобках.)